

ЕМУ льстило сравнение с Гёте больше, «чем всякие наивные сопоставления с другими великими предшественниками». Он мечтал подчистить от повторов и шероховатостей романы Толстого. А когда речь заходила о Достоевском, махал руками: «Тайновидец духа?.. Вот и весь ваш Достоевский!» С восхищением отзывался о чеховских повестях и рассказах и с раздражением — о его пьесах, лиризм которых находил нестерпимо слащавым. «Мы отдохнем, мы увидим небо в алмазах...» — повторял, подражая манерности плохих актрис.

Винил, конечно, Ольгу Книппер-Чехову. Как и многие друзья Антона Павловича, Бунин ее недолюбливал.

«Бунин был до мозга костей литератором и мало-помалу оживлялся, когда представлялся случай о литературе поговорить», — вспоминал Георгий Адамович. «В тот день был особенно слаб. Глаз не открывал, головы с подушки не поднимал, говорил хрипло, отрывисто, с долгими передышками. Тут он, однако, тяжело приподнялся, оперся на локоть и хмуро, почти сердито взглянул на меня: «Помню ли я (главу о встрече Анны с Вронским ночью на станции. — «Свой»)? Да что вы в самом деле? За кого вы меня принимаете? Кто же может это забыть? Я умирать буду и то на смертном одре повторю вам всю главу чуть ли не слово в слово...»

Сказать, что о Буине когда-либо забывали, было бы неправдой. Прозу и стихи, хоть и с купюрами, в советские годы издавали многомиллионными тиражами. И любили его миллионы. В новой России Ивану Алексеевичу оказали и вовсе генеральские почести: установили памятник на Поварской, модернизировали музеи, имя «антисоветчика» и «белоэмигранта» включили в число пятидесяти величайших россиян — в одном ряду с Дмитрием Донским, Александром Невским, Александром Суворовым и Георгием Жуковым.

И все же Бунин, давно укоренившийся в школьных хрестоматиях, остался в сознании многих каким-то не своим, «эстетским». «Слишком дворянин, слишком барин, слишком щеголевато одет, слишком холодно сдержан, слишком горделиво поднят у него подбородок, слишком властный взгляд для поэта». К составлению такого мнения о себе приложил руку и сам писатель, но больше постарался его лирический герой.

«Посмотрел на себя в зеркало: молод, бодр, сухопородист, глаза блестят, иней на красивых усах, хорошо и легко одет... в Ницце теперь чудесно...» А потом еще в кафе «Coupole» начали с устриц и анжу, заказали куропаток и красного бордо. И охмелели только за кофе с желтым шартрезом.

Его бы записали в декаденты или какие-нибудь «меланхолические лирики-певцы дворянских усадеб», если бы роскошествующая парочка не продолжила свой вечер в тесной эмигрантской квартире. В стоящем посреди одинокого переулочка доме, возле которого «в металлическом свете газового фонаря, сыплется дождь на жестяной чан с отбросами». А еще через пару абзацев оглушенная горем вдова будет наблюдать весенние облака, проплывающие «в мягком парижском небе».

Сияние и тьма. Любовь и смерть. «Райская чувственность», делающая истине великим подчинение. Тщетность земных страстей.

Критики неспроста говорили об эсхатологической силе бунинского таланта — «эротоманский» сборник «Темные аллеи» не повествует о любви, он переплавляет человека с его беспокойным, ранимым «я» в сверхиндивидуальный архетип влюбленного. Этакий вихрь любовников, пронсящийся перед ненавистным «сухоликим Данте в бабьем шлыке и лавровом венке».

«Темные аллеи» были написаны в 30–40-е — в эмиграции. Жившим в нищете и уже немолодым человеком. И вдруг — худенькая художница Руся, носившая желтый ситцевый сарафан и крестьянские чунки на босу ногу, очаровательная страстная полька Галя Ганская, заплаканная горничная Таня, «миловидное личико, серые крестьянские глаза», щеголеватая в черно-маслянистой каракулевой шубке цыганка Ли — «плоские дегтярные волосы, бессмысленные синеватые белки, лошадиные ключицы в каком-то желтом крупном ожерелье», «очень высокая, в сером платье, с греческой прической рыже-лимонных волос, с тонкими, как у англичанки, чертами лица, с живыми янтарно-коричневыми глазами» журналистка и переводчица Елена Генриховна, застреленная ревнивым любовником. Огненной ведьмой носившиеся крупные оранжевые искры за окном поезда, белые снежные скаты и черные чащи соснового леса, венский вокзал, запах газа, кофе

